

В. П. ПОЖОГИН

ДНИ БОЕВЫЕ

Помнится мне день 20 июня 1919 года. В Павловске в это время свирепствовали колчаковские офицеры — местные богатеи Килин, Сазонов, Стригин, Колесников и другие. Многие из крестьянских вожаков были расстреляны или томились в тюрьме. Колчаковцы творили в селе беззакония и произвол.

Крестьяне ждали сигнала к вооруженной борьбе.

И вот к концу дня к деревянной церкви, что стояла на берегу Касмалинского пруда, на взмыленных лошадях подсакала группа всадников, быстро спешила у высокого крыльца. Один из них скрылся за церковными дверями. Остальные выжидающе смотрели на колокольню. Вдруг вечернюю тишину прорезал звук колокола, эхом прокатился над притихшим селом и унесся в глубину бора.

Нам было достаточно первых ударов, чтобы понять, что произошло что-то давно ожидаемое. К церкви подходили группы молодых парней, в одиночку спешили мужики с окраин села. Толпа быстро росла. Среди собравшихся было несколько фронтовиков первой мировой войны. Мы стояли своей группой, кое-кто придерживал под полой шинели оружие, тайно принесенное дезертирами из колчаковской армии.

Не успел стихнуть гул колокола, как над толпой раздался громкий голос рогозихинского крестьянина Сидора Пашинина. Он рассказал, что крестьяне многих сел взялись за оружие, подняли восстание, выгоняют колчаковцев, восстанавливают Советскую власть.

— Мы, рогозихинские крестьяне, тоже взялись за оружие и призываем вас к этому. Просим примкнуть к нам и поднять другие села нашей волости.

Сидор снял шапку и низко поклонился в нашу сторону. Его товарищи сделали то же. Недолгим был тогда наш крестьянский митинг. После взволнованных речей Петра Кузьмича Панфилова и Андрея Кузьмича Воронкова протолкался и я на вышке крыльцо с думкой рассказать о том, как я, будучи делегатом от солдат-фронтовиков на II съезде Советов, видел Владимира Ильича Ленина, слышал его речи о власти и земле для крестьян. Да не вышло у меня, заволновался я и сказал только, что иду в отряд борцов за Советскую власть.

Толпа зашумела:

— Хватит говорить, ближе к делу.

К крыльцу протолкался Василий Сбойков, поднялся на первую ступеньку, вытащил из-под полы винтовку-трехлинейку, поднял ее над головой и громко заговорил:

— Мне эту штуку Колчак дал и заставил убивать своих же братьев. Но не из тех мы, Сбойковы, чтобы служить Колчаку. Записывай, — обратился он к Панфилову.

В отряды повстанцев вступили Роман Сергутов, Михаил и Андрей Малышевы, Захар и Алексей Бычковы, Яков Воронков, Константин и Петр Северюхины, Иван и Василий Кижваткины, Иван Мухин, Григорий, Василий и Степан Подлужины, Егор Щевлягин, Никифор Линьков, Степан Блошкин с сыном Иваном, Григорий и Николай Округовы, Дмитрий Ковшов, Никандр Рогожкин, Федос Золотухин, Григорий Токтарев, Максим и Николай Петины, Петр Соколов, Григорий Обухов, Степан Толстов, Андрей Синуков, Федор Федотов, Павел Великанов, Максим Шумкин, Степан Алехин, Герасим Ткачев и многие другие.

Запомнился мне такой случай.

— Куда ты-то лезешь? — крикнул кто-то в толпе, когда к Панфилову, записывавшему в отряд, протолкался Сергей Паршуков, постукивая ногой-деревяшкой.

— Ничего, — отшучивался тот, — царя нет, скинули, так я с его генералами буду расплачиваться за свою ногу.

Здесь же было создано несколько мелких отрядов по месту жительства, командирами их назначены Иван Крюков, Василий Гладков, Михаил Шелков и я; членами общего штаба избрали Андрея Кузьмича Воронкова, Семена Григорьевича Пентяшкина, Ивана Яковлевича Скворцова, Василия Максимовича Сергутова, Николая Николаевича Голованова, Петра Кузьмича Панфилова (он же стал комиссаром.)

По приказу Панфилова вновь созданные отряды без про-

медления направились по селам и деревням Павловской и соседних волостей, чтобы поднимать крестьян на восстание.

Власть в Павловске перешла в руки партизанского штаба. Народ торжествовал первую победу.

Помню, подошел ко мне Пентяшкин и грустно произнес:

— Ну, как настроение, Влас Петрович? А мне жаль, что нет среди нас Дмитрия Кунгурова и Матвея Игнатова — томятся они в колчаковском застенке. Много сил и здоровья они потратили на борьбу. С девятьсот пятого боролись за народное дело.

Наше вооружение было слабое. Имелось всего лишь несколько винтовок.

Не забыли мы прихватить и старую самодельную пушку, из которой для забавы стреляли холостыми зарядами в пасхальные дни. Умельцы приспособили ее для военных действий. Крестьянские кузнецы целыми сутками не гасили горнов. Мускулистые руки кузнецов Вельдяйкина, Петрова, Лянгузова, Соломатова ковали наконечники для пик. На вооружение были взяты также шомпольные охотничьи дробовики, берданы, поржавевшие обрезы, вилы и топоры.

Отряды вооружались, пополнялись людьми и готовились к схватке с врагом.

Сбежавшие из Павловска белогвардейцы Килин и Сазонов рассказывали барнаульским колчаковцам о событиях у нас в селе, слезно просили помочь им вернуть власть, дать отряд для похода на Павловск, обещали учинить жестокую расправу над партизанами.

Вскоре начались настоящие бои с белогвардейцами.

Над барнаульским трактом длинной полосой повисла серая дорожная пыль: отряд белых в двести штыков с пулеметом шел на Павловск. Шарахались в сторону встречные, разбежались по пашням жители. Нам донесли из Шахов, что каратели учинили расправу в этом селе, разгромили дом комиссара Зеленина. Ничего хорошего не ждали и мы.

Штаб павловских партизан решил встретить колчаковцев боем. Село пришло в движение и за несколько часов в кромке бора были вырыты окопы. В них, а также за соснами и в траве залегли партизаны. На окраине села, около лесного кордона, была установлена пушка. В прилегающих к лесу колках притаилась наша разведка. Командиры отрядов про-

веряли готовность бойцов, подбадривали, давали краткие наставления. Члены штаба во главе с комиссаром Панфиловым разошлись по отрядам. Беспокойный Бедарев то и дело припадал к прицелу пушки, ждал сигнала к действию. По замыслу командиров пушка должна была первой открыть огонь, чтобы показать мощь партизан.

Колчаковцы, сойдя с подвод в ближайшем колке, начали разворачиваться для наступления. Но тут грянул пушечный выстрел. Чугунная болванка со свистом прилетела в гущу солдат, ударилась о землю, подскочила и ранила офицера. Кони обозников метнулись в разные стороны.

Не успели белые рассыпаться в цепь, как над ними зашвистели пули и картечь дробовиков и бердан. Наши смельчаки Василий Сбойков, Василий Гладков и Василий Сергутов вырвались вперед. Вслед за ними я поднял своих партизан, и мы с криками «Ура!» бросились на врага.

Фланговый огонь других отрядов, пики, поблескивающие на солнце, дружное «ура» — все это навело страх на колчаковцев. Они начали отступать, отстреливаясь из винтовок и пулемета, укрываясь за холмиками и в колеях дороги.

Непрошенных гостей мы гнали до лога. Ободренные победой, отряды народных мстителей возвращались в родное село с развернутыми красными флагами. Радостно встречали нас родные и близкие. Но для командира пушки Александра Бедарева, наводчиков Дмитрия Линькова и Ивана Бирюкова радость победы была несколько омрачена тем, что орудие при третьем выстреле разорвалось, едва не убив самих артиллеристов.

Партизаны посмеивались над пушкарями, а Бедарев в ответ пропел:

Знайте, белые кукушки,
Слушайте внимательно:
Мы пальнем по вам из пушки, —
Будет замечательно.

Не теряя времени, Бедарев с кузнецами Вельдяйкиным, Петровым и Шишкиным занялись изготовлением новой пушки. В амбаре милиции они нашли трубу, вырезали из нее кусок для сердцевины ствола, обрамили его деревянными брусками, стянули обручами, поставили на тележные колеса. Из селитры и древесного угля Абрам Байдаев изготовил порох, а «снаряды» кузнецы насклеили из кусков железа. Пушку испытали. Бьет хорошо!

Теперь эта пушка хранится в музее революции в Москве, как свидетельство боевых дел сибирских красных партизан.

Мы знали, что белые не оставят нас в покое, и немедленно начали готовиться к новым сражениям. Но на этот раз колчаковцы не решились наступать открыто по барнаульскому тракту. Урок первого боя заставил их изменить маршрут. Прячась проселочными дорогами, они добрались до села Чернопятово, откуда рассчитывали незаметно подойти к Павловскому бору.

Нашему штабу донесли об этом. На Чернопятово был послан отряд Василия Gladкова. К селу подошли перед рассветом. Все было спокойно. Собрал Gladков группу боевых товарищей — Федора Решетова, Данила Жирова, Федора Козырева, Алексея Бычкова, Андрея Лопатина — и стал с ними совет держать. Решили взять белых внезапно. Окружили церковь и поповский дом, где, по сведениям, расположились на ночлег белые. Но их там не оказалось. Выяснилось, что они поздно вечером берегом Касмалы ушли в сторону Павловска. Медлить было нельзя. Gladков послал гонца в Павловск предупредить товарищей об опасности. Свой отряд он повел по свежему следу врага. Белогвардейцев настигли около пруда Рудаковской мельницы, где они сделали остановку, чтобы договориться о наступлении на Павловск, до которого оставалось около пяти километров.

Решено было дать бой, хотя силы врага значительно превосходили. Рассыпавшись длинной цепью, чтобы придать отряду видимость массовости, партизаны открыли огонь как раз в тот момент, когда мой отряд подходил к мельнице. Мы бросились в сторону стрелявших, а они при виде нас с пиками наперевес бросились в атаку.

Появление двух отрядов ошеломило белых, и они начали отступать. Схватка была горячей, многие смельчаки из партизан в одиночку начали преследовать целые группы врага. Так поступил Андрей Иванович Волков, человек богатырского роста и большой силы. В пылу боя он ворвался в группу колчаковцев. Его ранили клинком в голову, нанесли еще несколько тяжелых ран. Свалившегося с коня, ослабевшего от потери крови Андрея Ивановича вырвали из лап колчаковцев подоспевшие товарищи. Они привезли его в Павловск, и здесь на глазах семьи и боевых друзей он умер.

В этом же бою насмерть был зарублен белыми Никита Бахаев, утонул в Касмале Александр Свирин.

Бой длился до потемок. Остатки белых отступили на Чернопятово, затем ушли в Барнаул.

Несмотря на глубокую ночь, Павловск не спал. Толпы народа встречали нас — победителей, вместе с нами делили радость победы, скорбели по погибшим односельчанам.

Дни, свободные от боев, наш штаб использовал для подготовки партизан к новым боям, проводил совещания с командирами. Но мирные дни были считанными.

Новый отряд колчаковцев двинулся из Барнаула на Павловск. Не успев встретить его в пути, мы окопались в кромке бора, заняв по фронту участок между барнаульским и черепановским трактами. Белые развернулись в цепь и повели наступление. Мой отряд, как и другие, был потеснен к окраине Павловска в районе кладбища. Все село поднялось против карателей, на переднюю линию боя была вывезена наша пушка. Завязался бой. Белые наступали, но мы яростно отстреливались. Пушкари били по врагу кусками крупно нарубленного металла, не давая ему подняться всей цепью. Не зря после боя партизаны в шутку называли Бедарева «бомбардиром-наводчиком».

Личная храбрость многих партизан не раз спасала положение. В самый критический момент боя перед цепью партизан появился на коне Андрей Овчинников с револьвером в руке. Он несся вдоль цепи под вражескими пулями, размахивая оружием и призывая подняться в атаку. Смелость Овчинникова подняла нас в решающую атаку. С криком «Ура» мы бросились в рукопашный бой, ошеломили колчаковцев и обратили их в бегство.

Лишь новое наступление полковника Окунева из Шелаболихи и отряда белых из Барнаула заставило нас оставить родное село и уйти вверх по Касмале в район действия отрядов Е. М. Мамонтова и И. В. Громова.

Но не были мы спокойны за свое село, за жен и детей, оставшихся в Павловске. Правда, для действий в тылу врага и для связи мы оставили отряд Алексея Бычкова, но он был

малочислен, делал лишь ночные налеты, спасал отдельных товарищей из заключения, вел учет зверских расправ колчаковцев с павловцами. Позднее, при встрече, Алексей Сергеевич рассказывал следующее.

Каратели убили и замучили 532 человека — партизан, стариков, женщин и детей. Они расстреляли наших боевых друзей — Евлампия Мязина, Михаила Воронина, Демьяна Мухина, Ивана Харламова, замучили старика Евграфий Округова, исполосовали плетью партизанскую мать Аграфену Блошкину, жен партизан Екатерину Бедареву и Матрену Округову. Пороли нагайками и держали в погребе на льду раздетой жену Бычкова Матрену, заporоли до смерти старушку Федяшкину, избили до потери сознания беременную Татьяну Голованову. Партизана Апехина повесили на столбе и не снимали четыре дня. Каждый день к месту казни сгоняли партизанских жен и детей и угрожали сделать с ними то же, если они не скажут, где их отцы и мужья. Партизана Кузнецова, взятого в плен, белые привели в свой штаб и страшно изуродовали. Избитого, с отрубленной правой рукой, его привели к столбу с укосиной, чтобы повесить. Здесь ему отрубили и левую руку, а потом повесили. Целую неделю висел труп для устрашения других.

Слушая рассказ Бычкова, я вспомнил наших партизанских штабистов, ведь и их постигла тяжелая участь: Дмитрий Иванович Кунгуров был схвачен и увезен в каменскую тюрьму, Пентяшкин с Игнатовым сидели в барнаульской тюрьме.

Мы клялись жестоко отомстить врагу за родных и близких.

Пронизывающими ветрами и частыми дождями встретила нас осень 1919 года. По желтым опустошенным полям и раскисшей от грязи дороге наш полк «Красных орлов» под командованием Федора Колядо (в полку мы с Гладковым командовали партизанскими ротами) темной октябрьской ночью подошел со стороны Шелаболихи к Павловску. Мы без шума снимали колчаковские посты и занимали улицу за улицей. Колядо строго предупредил нас, а мы — командиров групп: не допускать стрельбы, тихо подойти к штабу белых, размещавшемуся в здании учительской семинарии. Однако около кордона, по дороге к мельнице, одна из партизанских групп неожиданно наткнулась на пост колчаковцев. Белый унтер-офицер

начал пальбу, но тут же был сражен партизанской пулей, а его подчиненные сдались в плен. Винтовка убитого и 36 патронов достались бойцу моей роты Андрею Лопатину. Произошла и другая ненужная стычка: Алексей Тютюльников бросил в колчаковцев гранату, ее взрыв разбудил белых.

Наше продвижение было рассекречено. Белые выскакивали из квартир и в панике бежали к кирпичной церкви в центре села, надеясь спастись за толстыми стенами. Часть стрелков залегла за церковной оградой и бесцельно стреляла в ночную темноту. По мере подхода партизан стрелки оставляли свои места и укрывались в церкви. К утру мы окружили церковь, но взять ее с ходу не смогли. Колчаковцы заняли оборону: на колокольне они установили пулемет, окна превратили в бойницы. Местность перед церковью была открытой, наше наступление затруднялось. Пули наших стрелков бесполезно щелкали по толстым кирпичным стенам и отлетали от них. Некоторые боевые группы продвинулись так близко к церкви, что противники могли разговаривать друг с другом. Партизаны острили, спрашивали белых: «Хорошо ли в святой обители?»

Надежда на скорую помощь из Барнаула не покидала осажденных, сдаваться в плен они не решались, боясь нашего правосудия за их злодеяния. Помню, как сейчас, случай с мальчиком Рогожкиным Сережей. Пробрался он в штаб полка, который разместился прямо на передней линии сражения в глинобитной кузнице, на западном склоне церковной горки, и все к Федору Колядо пробивался. Я хорошо знал его отца Матвея и понял, что с ним что-то случилось. Уговорил я Сережу рассказать о случившемся, и тот со слезами на глазах сообщил мне суровую правду. В одну из ночных вылазок по селу каратели ворвались в дом Рогожкина. Вся семья спала. Отца Сергея Килин обвинил в связи с партизанами и в укрывательстве брата Никандра. В одном нижнем белье его повели на улицу, а девятилетнего Сережу заставили нести зажженную керосиновую лампу. Перед окнами дома Матвея начали рубить шашками, а мальчик трясся в страхе, но светил убийцам. Мы слушали рассказ плачущего Сережи, и ненависть к палачам кипела в нас.

К Колядо и его заместителю Небораку то и дело приходили смельчаки с просьбой разрешить им открыто ворваться в логово врага. Но командиры не хотели напрасных жертв. «Куда они денутся? Сами сдадутся!» — говорили они бойцам. Среди партизан нашлись и такие, кто самовольно делал вы-

Федор Ефимович Колядо.

лазки. Так, молодой партизан Колупаев ворвался в церковь через сторожку и бросил гранату в колчаковцев, но при этом погиб и сам. Николай Лопатин с боевой винтовкой подобрался к церковной ограде и открыл стрельбу по окнам. Очередью из пулемета он был тяжело ранен.

Через сутки—двое нам стало известно, что колчаковцы в церкви голодают, питаются полусырой кониной, зарезав единственную лошадь. Мы рассчитывали взять врага измором.

На третьи сутки к штабу полка подскочил вестовой и передал Колядо пакет от Мамонтова. Нахмурившийся Федор молча протянул его Небораку. Тот сказал: «Что ж, Федор, приказ командующего будет выполнен». Из краткого сообщения комиссара мы узнали, что нашему полку приказано двинуться в район Солоновки, где предстояли решающие бои. Полк «Красных орлов» снял осаду и походным маршем двинулся к месту назначения. На марше шутники распевали частушки о колчаковцах, сложенные в Павловске:

Смело драпали до церкви
Темной ночью без штанов,
С перепугу, словно черти,
Просят милости богов.
Со святыми сели рядом,
Оскверняют божий храм.
Мы покажем этим гадам
Путь к спасителям-богам!

В первых числах декабря наш полк, овеянный боевой славой в сражениях под Тюменцево, Волково, Мельниково и Солоновкой, вернулся в Павловск и навсегда освободил его от белой нечисти.